Шесть лет

Автор:
Эль Севено

Шесть лет

Эль Севено

Запретное желание

Шесть лет разделяют Викторию и Рафаэля. Шесть лет разницы достаточно, чтобы Виктория, будучи подростком, так и не поняла, как сильно ее любит юный Рафаэль, и смотрела только на его более привлекательного старшего брата. Прошло шесть лет с тех пор, как Виктория уехала из города со своей семьей, оставив в отчаянии парня, за которым присматривала. Когда Виктория возвращается спустя годы, Рафаэлю требуется всего шесть секунд, чтобы снова влюбиться в нее. Вот только он уже не ребенок и намерен доказать ей это.

Эль Севено

Шесть лет

Elle Seveno

6 ANS

© 2019, New Romance, Departement de Hugo Publishing

В оформлении макета использованы материалы по лицензии ©shutterstock.com

© Воробьева К., перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Вик

Моя бабушка была далека от религии. Она не верила в Бога. И всегда повторяла: ей не нужна вера, чтобы с добротой относиться к людям, чтобы видеть в них лучшее. Возможно, именно поэтому у нее было так много друзей.

Ритуальный зал в похоронном бюро переполнен. Далеко не все желающие смогли попасть внутрь. Поскольку бабушка прожила в этом городке всю жизнь, вполне нормально, что у нее появилось столько знакомых, но казалось, будто каждый житель решил попрощаться с ней. Она умерла на прошлой неделе в своей лавке. И меня не было рядом. Я не приезжала сюда шесть лет, но, не раздумывая, вернулась. Меня переполняло сожаление.

Отчасти я завидую всем этим людям: они были с ней последние годы, они могли смеяться вместе с ней… За эти шесть лет я разговаривала с бабушкой только по телефону. Расстояние не помешало ей делиться со мной своей жизнерадостностью и вдохновляющим взглядом на мир… Но все равно этого было мало.

Хотя я знаю причины ее разлада с моим отцом и сестрой, мне всегда было грустно от того, что мы уехали. Что теперь я не буду видеть ее каждый день. Повзрослев, я могла – нет, должна была – найти время, чтобы отстоять свой выбор и приехать к ней, как и хотела. Но учеба, затем запуск моей компании и ее закрытие спустя несколько лет всегда заставляли меня откладывать этот момент. Я неправильно расставила приоритеты: семья превыше всего. Потеряв бабушку, лишившись возможности снова обнять ее, я осознала, что никогда не сумею восполнить свое отсутствие… Она часто говорила, что ей хорошо одной, без мужа или ухажера. Но без сына и внучек? Сомневаюсь.

– Ты в порядке, Вик?

Единственное, что я отчетливо вижу сейчас, – это рука моей лучшей подруги.

– Да.

Жюли настояла на том, чтобы поехать вместе со мной. Для нее было немыслимо отпустить меня сюда одну, а мой отец категорически отказался от поездки. Даже теперь, когда его мать умерла, он все еще не хочет о ней слышать… Папа все оплатил, но поручил мне заниматься организацией, не задавая вопросов. Я ничего особенного не делала: было бы лицемерно, если бы вся наша семья собралась здесь, поэтому я позволила близким друзьям бабушки говорить за меня и устроилась во втором ряду, рядом с Жюли. Она регулярно сжимает мое бедро, как бы напоминая мне о своем присутствии. Все проходит так быстро… За два часа я только произношу «до свидания», «спасибо», «мы всегда будем думать о тебе». А потом все заканчивается. Навсегда.

Я оказываюсь перед запечатанной урной, на кладбище, где никогда раньше не была, хотя и провела – за исключением последних шести лет – всю свою жизнь в этом городке, в самом сердце гор.

– Может, вернемся в дом моих родителей? – спрашивает Жюли, когда мы остаемся одни.

Я молча киваю. Мне не удается вымолвить ни слова. Я даже не плакала. Не потому, что не скорблю, а потому, что не так я хочу почтить память бабушки. Кроме гнева, охватившего меня в день ее смерти, я помню только ее жизнерадостность. Она никогда не боялась умереть. Бабушка всегда жила настоящим, и я надеюсь, что смогу научиться наслаждаться жизнью день за днем.

Моя лучшая подруга берет меня за руку, чтобы увести отсюда. Она тоже выросла здесь. Мы познакомились в школе и с тех пор никогда не расставались. Когда я уехала, Жюли дождалась, пока мы с семьей не устроимся в городе неподалеку, и поступила в колледж совсем рядом с нашим домом. Она регулярно приезжала навестить своих родителей и, пользуясь возможностью, рассказывала мне последние сплетни о наших общих друзьях…

Завтра мы уезжаем. И то, что я не успела попрощаться с бабушкой лично…

– Привет, Вик!

Я оглядываюсь на стоящего в конце аллеи человека, который только что меня окликнул. Брис. Моя подростковая любовь. Я сразу узнаю его, ведь он почти не изменился. Вместо мальчишки-бунтаря передо мной теперь более взрослая версия того парня. На нем строгий черный костюм, какие обычно надевают для торжественных случаев.

Как долго он здесь стоит?

– Брис! – восклицает Жюли.

Они долго обнимают друг друга, прежде чем он поворачивается ко мне. Я смотрю на этого парня, с которым была так близка раньше, но сегодня он кажется мне незнакомцем. В наше время легко поддерживать связь, но Сеть и я – вещи несовместимые. Я использую ее для работы, и не более того. Сначала мы с Брисом обменивались сообщениями: длинными письмами, где рассказывали о своей жизни, о наших сожалениях… Мы всегда знали, что происходит в жизни другого, не пытаясь вдаваться в подробности, как будто постепенно разрушая мосты. Брис мог бы стать просто прохожим или знакомым из другого времени, которому достаточно ответить вежливой улыбкой, а потом пройти мимо, но это не наш случай. По его глазам я вижу, что время и расстояние не изменили привязанности, которая нас соединяет. Когда Брис раскрывает объятия, я повторяю за своей лучшей подругой. Так странно снова уткнуться ему в грудь и не узнавать его запах, тогда как в восемнадцать лет я могла часами прижиматься к нему.

Мы провели детство и юность на расстоянии двух кварталов друг от друга. Занимались своими делами и посещали среднюю школу с друзьями, которых знали с пеленок. Никто не удивился, когда мы начали встречаться… И вот теперь мы здесь, впервые видимся после долгих лет разлуки.

– Я рад, что ты вернулась, – говорит Брис с грустным выражением лица.

– Я тоже. Твоих братьев здесь нет? – спрашиваю я, удивленная тем, что он пришел один.

Раньше их троица всегда находилась в центре событий. Льюис, будучи всего на два года младше, входил в нашу компанию, и Раф, потому что он следовал за нами повсюду…

– Льюис не смог приехать, у него много работы, но он передает свои соболезнования. Раф пришел на церемонию, но после был вынужден уйти. Он хотел передать тебе что-то, видимо, что-то очень важное, и я предложил ему свою помощь. А еще мне не терпелось узнать, как ты.

– Когда-нибудь станет легче, – отвечаю я, ободряюще улыбаясь.

Я беру сверток, который он мне протягивает, – картонный конверт – и, не оттягивая момент, открываю его. Внутри рамка с фотографией, сделанной в канун Нового года, который мы встречали все вместе: мой отец, мы с сестрой, бабушка, Брис, Льюис и Раф с мамой. Последнее Рождество. Пока все не испортилось и мы не уехали.

– Прекрасно, – еле слышно говорю я, рассматривая лица на фотографии, сосредоточившись на моей бабушке и тринадцатилетнем мальчике, сидящем с нами.

Я помню ребенка, с которым нянчилась, когда его мать работала допоздна. Помню его угрюмое лицо, когда Брис слишком сильно его дразнил, его смех, когда мы устраивали вечер игр, и Раф пытался объединиться со мной.

Я представляю, как этот маленький мальчик упаковывает фото. Даже если он больше не выглядит как маленький мальчик…

– Он любил твою бабушку.

Я глажу снимок, хватаясь за наши общие воспоминания. Все эти игры в прятки, фильмы ужасов, которые мы тайком смотрели, городские балы, куда ходили вместе, лыжные спуски, как только открывались трассы, послеобеденные катания на санках…

– Я не знала. Мой отец оставил всех…

– Мне кажется, Раф все понимал. Он специально сохранил фото.

– Он поступил правильно.

Я тронута тем, что обо мне так позаботились.

– Мне надо подойти к маме, – смущенно объясняет Брис. – Был рад пообщаться с тобой, хотя хотелось бы, чтобы наша встреча произошла при других обстоятельствах. Если решишь приехать, позвони мне, хорошо?

Я киваю с печальной улыбкой, и Брис снова обнимает меня.

– Надеюсь, скоро увидимся, – шепчет он мне на ухо.

– Я тоже на это надеюсь, – отвечаю я по привычке.

Он смотрит на меня в последний раз, а затем уходит.

Глава 1

Вик

Я поднимаю металлический занавес – он издает совершенно отвратительный скрежет.

Лето в самом разгаре, на мне только майка, короткие шорты и легкие теннисные туфли, но от палящего зноя на спине уже появилась испарина. Летний сезон здесь всегда был жарким. Страшно представить, какая температура внутри…

Солнечные лучи падают на грязные окна лавки. Я провожу рукой по одному из них, вытирая пыль, и смотрю на то, что ждет меня впереди. Я вижу маленький стол, который раньше был прилавком моей бабушки, где стояла касса. Я чувствую укол грусти, когда представляю бабушку за швейной машинкой или с

вязальными спицами. Она всегда работала. В свои восемьдесят лет Нану – она всегда хотела, чтобы ее называли только так, – бросала вызов всем, кто говорил ей, что пора отказаться от этой нелепой идеи. Я до сих пор слышу, как она произносит это слово в нашем телефонном разговоре.

Открыв дверь, я подпираю ее, чтобы она не захлопнулась. Помещение нужно проветрить. Лавка несколько месяцев простояла закрытой, заполненная лишь старыми вещами. Она не очень большая, пять метров на восемь, не больше. Вполне вмещается несколько стеллажей с бижутерией и вешалок с одеждой, которую выбирают – точнее, выбирали – женщины среднего возраста. Среди всех коллекций я так и не смогла подобрать подходящую для себя вещь. Они казались слишком вычурными для меня. Но бабушка пользовалась большим успехом среди своих местных друзей.

Меня охватывает ностальгия, и я представляю себя в детстве, с сестрой, вспоминая, как каждую среду мы крутились у Нану под ногами, когда она нянчилась с нами, а потом наконец-то принимаюсь за работу.

Похороны состоялись, кажется, будто только вчера, но прошло уже несколько месяцев, и я получила в наследство… это.

Сначала мысль о переезде сюда не вызвала у меня восторга: я боялась жить вдали от отца и сестры, но потом хорошенько все обдумала и поняла, что мне нужен проект, чтобы восстановиться после провала моей компании. И вот я здесь, готова закрыть петлю прошлого, которое слишком неожиданно вынудило нас покинуть родные места.

Я всегда любила этот край, ощущение необъятности вокруг нашего городка, где все друг друга знают. Я частенько тосковала по нашим горам, по уютной атмосфере, которая царит здесь в любое время года, и неважно, приехали туристы или нет.

Я как раз разбираю старые вещи, когда кто-то стучит в дверь.

– Думал, ты приедешь только на следующей неделе!

Я улыбаюсь, узнав голос, а затем вижу знакомое и, как всегда, красивое лицо Бриса. Он выглядит так же, как и полгода назад: волосы длиннее, чем раньше,

завиваются над ушами, и у него такой пылкий взгляд, от которого девушки всегда сходили с ума. Я высокая, но он – обладатель шести футов[1 - 182 см.] мускулов и мужественности. Брис по-прежнему выглядит таким же опрятным и элегантным, каким я видела его на похоронах. В девятнадцать он носил мешковатую одежду и катался на скейтборде, а сейчас похож на офисного клерка: брюки прямого покроя и рубашка с закатанными рукавами.

Смерть моей бабушки побудила нас возобновить общение, которым мы долго пренебрегали.

– Я тоже так думала, но мне не терпелось разобраться со всем этим, – весело отвечаю я, указывая на беспорядок вокруг себя.

Мои руки заняты старой одеждой, которую я складываю в коробки. Подойдя к Брису, чтобы поцеловать его, я понимаю, что запах в помещении не очень приятный. Я осматриваю комнату, потому что здесь слишком сыро, чересчур сыро, и обнаруживаю большие желтые разводы на потолке. Не думаю, что у бабушки было хорошее зрение. И не знаю, в каком состоянии она находилась перед тем, как покинула нас. Я регулярно звонила ей, но она не обсуждала со мной свои проблемы. Нану была не из тех, кто жалуется. Даже на сына, который не разговаривал с ней несколько лет. Я стала посредником между ними. С одной стороны, он был слишком мрачным, а она – слишком жизнерадостной. Я всегда видела в бабушке оптимистичную женщину, которая любила жизнь и то, чем занималась. Отец затаил обиду, а упрямица Нану никогда не извинялась, если считала себя правой… После произошедшего с Эмелин, достаточно было сказать несколько неосторожных слов, чтобы все вспыхнули как спичка.

– Как прошла твоя поездка? – спрашивает Брис, возвращая меня к реальности.

– Если можно так назвать поездку на старой развалюхе без усилителя руля и кондиционера… То да, поездка удалась. – Мы обмениваемся понимающими улыбками. Он хорошо знает эту машину, она принадлежала моей матери: настоящий динозавр среди всех новых автомобилей, выпускаемых в наши дни. Мой отец так и не нашел в себе силы расстаться с ним, и я просто отремонтировала машину и оставила себе.

– Вижу, ты не теряешь времени даром, – показывает Брис на несколько коробок, которые я сложила в лавке.

– Планирую приступить к ремонту как можно скорее, – я пожимаю плечами. – У меня много планов, так что лучше не затягивать.

– Разве тебе нечем заняться дома?

– Нет.

Между нами воцаряется тишина, пока я продолжаю суетиться.

– Ты уже была в квартире? Там есть над чем потрудиться.

– Нет, еще нет.

Жестом я приглашаю его следовать за мной наверх.

– Нану была милой, но у нее напрочь отсутствовало чувство вкуса, – с нежностью замечает Брис, оглядываясь по сторонам, пока мы поднимаемся по лестнице.

– Я не понимаю, неужели тебе не нужна парусиновая шляпа, которая защитит тебя от солнца, или меховая шубка? – иронизирую я.

Мы разговариваем друг с другом так, будто расстались лишь вчера. Минуло шесть лет, но Брис все тот же, возможно, чуть менее пылкий. На первый взгляд.

Я достаю ключ от входа на этаж из заднего кармана шорт. Когда я поворачиваюсь, мне кажется, что Брис смотрит на мой зад, но, возможно, мне просто показалось. На лестнице темно. Так что я, наверное, ошиблась.

В квартире длинный и довольно широкий коридор, соединяющий все комнаты. Кухня с одной стороны и гостиная – с другой. Я морщу нос от затхлого запаха. Неужели никто из ее друзей не мог прийти и проветрить комнаты? А может, бабушка никогда не открывала окна…

Продвигаясь вперед, чувствую под ногами нечто странное. Словно иду по мокрому мху. Я смотрю на ковер на полу.

– Что за…

Он пропитан водой! Перехожу от совмещенной со столовой гостиной, где до сих пор валяются безделушки, горы книг и стоит стол из красного дерева, к кухне, где безуспешно ищу прорвавшуюся трубу.

– Видимо, вода бежит с чердака, – Брис указывает на еще одно пятно на потолке.

– Водонагреватель, – вспоминаю я, заметив дразнящий меня люк.

Вода, должно быть, капала с чердака и просачивалась сквозь стены на пол… Только этого мне не хватало!

– Там много повреждений! – восклицает Брис, двигаясь вперед, как и я, навстречу катастрофе. – У меня есть знакомый сантехник, он быстро приедет. Сейчас позвоню ему.

Я киваю, когда он отходит в другую комнату, чтобы позвонить.

Размещаю все, что могу, повыше: стулья на стол в гостиной, книги со дна книжного шкафа, видеомагнитофон на подставку для телевизора. ВИДЕОМАГНИТОФОН? Эта штука, наверное, уже не работает!

– Знакомый придет через десять минут, – вернувшись, обнадеживает меня Брис. – Он проверит, в чем дело, можно ли отремонтировать водонагреватель или нет. Но, учитывая повреждения, он считает, что уйдет несколько дней, пока вся влага не испарится.

– Как будто мне мало забот…

Я провожу руками по лицу, а затем по задней части шеи. Неожиданно объем работ по ремонту лавки и квартиры моей бабушки кажется огромным. И я совсем одна. Теперь работа займет больше времени. О том, чтобы спать здесь, не может быть и речи.

– Тебе есть где переночевать? – спрашивает Брис, как будто прочитав мои мысли.

– Нет. Я планировала заселиться сюда и приступить к делам… Но, вижу, мне придется снять номер в гостинице.

– Или можешь пойти к нам. Мы просто выселим Рафа из его комнаты.

– Ты все еще живешь с родителями?

– Ага…

Он чешет затылок, немного смущаясь.

– Мама чувствует себя не очень хорошо. Мы с Рафом решили остаться дома, пока ей не станет лучше.

Его мама… Я помню, как чуть больше восьми лет назад мы узнали, что у нее рак. В итоге Раф расплакался в моих объятиях. Вердикт врача был однозначным: рак груди, операция по удалению и по возможности хирургическое восстановление.

Мне было грустно, точно речь шла о моей собственной матери, грустно за эту женщину, которую лишили части ее женственности и которая испытывала страх. Их мать – воплощение доброты. Борец и труженица, она жертвовала собой ради своих детей. Такой исход был несправедливым. Жизнь так часто бывает несправедлива. Тем не менее, когда я уехала, у нее была ремиссия.

– Она все еще болеет?

– Да, – вздыхает Брис. – Рецидив. Пока мы не удостоверимся, что она справится с этим дерьмом, будем рядом с ней.

Я отвожу взгляд. Не люблю показывать свою печаль. Мне никогда не нравилось это чувство.

– Не стану навязываться вам, если ей плохо. Не говоря уже о том, чтобы занимать комнату твоего младшего брата, – возражаю я.

– Уверен, что моя мама будет рада видеть тебя! Раф всегда жил в роскоши – у него своя комната. Нам с Льюисом пришлось расти на десяти квадратных метрах. Пришло время для маленькой мести!

Я хихикаю. Правда, что он и Льюис часто жаловались на домашнего «любимчика». Мне нравится их квартира. Помню, что там было очень весело: особенно вечера с няней, когда Раф всячески старался остаться со старшими. Этот парень заставлял меня смеяться. Я не могу дождаться, чтобы узнать, насколько он изменился.

– Ладно, хорошо. Я поживу у вас, пока в бабушкиной квартире все не наладится. Только если твоя мама согласна!

– О, отлично. Ну, осталось только дождаться сантехника, а потом я отвезу тебя. Но, может, сначала выпьем?

– Давай. С удовольствием.

Глава 2

Вик

Многие необычные магазинчики закрылись из-за более выгодных коммерческих объектов. Местность пестрит витринами, заполненными различными курортными сувенирами, а на балконах квартир красуются таблички «Аренда». К счастью, не все изменилось, некоторые ресторанчики остались такими, какими я их помнила.

Бар, куда меня привел Брис, – один из новых: современный, с видом на озеро, а зал с выходом на большую террасу. Отсюда можно наблюдать за водными забавами, от которых захватывает дух. Брис уступает мне место, откуда открывается вид на горы, возвышающиеся за огромным водным пространством. Наш курорт не очень большой, но очень популярен благодаря своим прекрасным пейзажам. Если зимой землю покрывает белый снег, то летом солнечные лучи

искрятся на поверхности воды.

– Так ты преподаешь? – спрашиваю я, чтобы начать разговор.

Несмотря на то, что мы снова общаемся, между нами все еще присутствует некоторая неловкость, и разговор о работе кажется мне хорошим способом ее преодолеть. Я, в свою очередь, уже рассказала ему о своем карьерном пути: от университета, где я училась реконструировать дома, до ведения бизнеса, который мне, к сожалению, не удалось удержать на плаву из-за жесткой конкуренции. Теперь его очередь говорить!

– Преподаю литературу, – хвастается Брис.

– Ты все же довел дело до конца, – поддразниваю я.

– Я действительно увлечен! Не трачу свое время на чтение фэнтези или научной фантастики.

Когда мы были моложе, то часто спорили об этом. Он не понимал, как я могу читать истории, не имеющие ничего общего с реальностью.

– Ты помнишь… – удивляюсь я.

– Конечно.

– Ты все еще не понимаешь! Наверное, это твоя приземленная натура не позволяет раскрыться воображению… – Я продолжаю его дразнить.

– Мне нравится мир таким, какой он есть, вот в чем разница!

– И ты любишь поэзию! Кто вообще любит читать стихи?

– Все великие авторы – поэты!

Неудивительно, что он выбрал литературу; подростком он любил читать. Но, помнится мне, у него были проблемы с послушанием, а теперь он стал учителем.

У жизни иногда довольно своеобразное чувство юмора!

– У тебя хорошие ученики?

– Большинство из них, да. Но сейчас почти летние каникулы, поэтому они ведут себя просто невыносимо.

– Когда-то мы тоже были такими.

– Я не помню, чтобы мы были такими упертыми монстрами!

Его слова смешат меня. Мне нравится не только общение с ним, но и блеск в его глазах. Наконец-то, спустя столько времени, мне легко говорить с Брисом, настолько, что я задаюсь вопросом, что было бы с нами, если бы я не уехала. Мы бы сблизились еще сильнее или же отдалились?

– У тебя есть какие-нибудь планы на отпуск? – интересуюсь я, чтобы не думать о том, какими мы могли бы быть сейчас.

– В планах поездка с друзьями, – отвечает Брис. – Когда вернусь, то буду помогать своим коллегам в летнем лагере, а затем займусь подготовкой к новому учебному году. В общем, все как обычно.

Он колеблется секунду, а затем улыбается.

– И надеюсь, что мы сможем вновь увидеться.

– Городок маленький, поэтому не думаю, что возникнут сложности…

Я понимаю, что мой ответ можно принять как приглашение, но нужны ли мне отношения сейчас?

Его братья, его школьные истории, его страсть к лыжам, его путешествия… За несколько часов я вспоминаю последние шесть лет. Я мало говорю о себе. Предпочитаю избегать этой темы. Мой отец зол на весь мир, сестра все еще не пришла в себя… Разговоры обо мне далеко не веселые.

– А твоя мама? – растроганно спрашиваю я, думая о здоровье женщины, с которой провела очень много времени.

Брис пожимает плечами.

– Когда как. Большую часть времени мама отдыхает. Сейчас она не может работать, поэтому мы стараемся сами выполнять повседневные дела.

Мне жаль ее, жаль их всех. Они были так расстроены, когда ей диагностировали рак. Когда я уезжала, надежды на ремиссию были реальными. Я думала, что с ней все будет в порядке. Она заслужила этот шанс: вырастить в одиночку троих сыновей и так достойно бороться с болезнью. Несправедливо, что еще ничего не кончено.

– Хочу позвонить ей и предупредить, что ты будешь жить у нас.

– Уже хочешь уйти?

– Нет. Я… хочу немного отдохнуть от дома, – виновато признается он.

Он достает телефон из кармана.

– Сейчас вернусь.

Я киваю, когда Брис выходит из-за стола.

Воспользовавшись возможностью, я любуюсь окрестностями и пытаюсь заново освоиться здесь. Возможно, закрытие моей компании – не такое уж плохое событие: я начну все с нуля, организую другой бизнес. Помещение моей бабушки – это прекрасная возможность, мне нужно только оплатить работы, прежде чем я смогу начать. Но мне придется потратить свои сбережения, а их не так много, если я не потороплюсь и не открою что-то, что принесет мне деньги. Я уже оформила документы и получила постановление, теперь осталось только засучить рукава! Ремонт водонагревателя и затопление – совсем не вовремя, но надо разобраться с этим. Я справлюсь с непредвиденными событиями – я знаю, что мне это по силам. Пока что я просто позволяю тишине места, где выросла, успокоить меня. Озеро как всегда прекрасно. Оно в самом сердце гор, и кажется,

что сюда не ведет ни одна дорога. Тем не менее, летом стекаются туристы. Для меня это самое красивое место во Франции. Временами здесь тихо и уютно, а иногда оживленно и шумно… Я скучала не только по бабушке.

Я замечаю что-то новое на воде. Вейк-парк. На другой стороне пляжа проложены канатные установки. Со своего места мне видно, как спортсмены один за другим спускаются с понтонного моста, опираются на доски, хватаясь за какие-то ручки. Ребята преодолевают неподвижные препятствия, торчащие из озера. Меня завораживает то, как они плывут по воде, и их ловкость, когда они выпрямляются и прыгают, несмотря на скорость.

На берегу, возле начала моста, вейкбордисты болтают, как большая семья, дружная и… возбужденная! Атмосфера кажется добродушной и вызывает улыбку. И вдруг ситуация меняется: одна из девушек в группе снимает верхнюю часть гидрокостюма, обнажая купальник. Трое парней, проходивших мимо, начинают свистеть ей вслед. Я могу предположить, как грубы их женоненавистнические высказывания. Она показывает им средний палец, что парням совсем не нравится.

Мое сердце начинает биться быстрее, и я машинально хмурюсь. Я не могу оторвать глаз от этой сцены. Лица парней мрачнеют, и они подходят к ней, разъяренные. Я даже слышу, как они говорят, что она потаскуха.

Однако они не успевают добраться до нее, как появляется четвертый парень. Он выше, крупнее, твердо стоит перед ней и преграждает им путь. Оскорбления продолжаются. Я не могу разобрать все слова. Но понимаю, что они получили хорошую взбучку.

Один из парней пытается толкнуть спортсмена, но тот не сдвигается ни на дюйм. Сильной пощечиной он отправляет своего противника обратно к приятелям. Знай свое место! Я улыбаюсь. Значит, здесь живут не только полные кретины!

Я присматриваюсь к нему: молодой, с короткими волосами, телосложение как у регбиста, черный костюм до шеи и флуоресцентный оранжевый браслет на запястье. Если бы только и мою сестру защитили той ночью…

Глава 3

Раф

– Это разве прыжок, Раф? Думаешь, что время расслабляться?

Да пошел ты.

– И не смотри на меня так! Я знаю, о чем ты думаешь!

Да-да…

– Раф! Ты слушаешь меня? Какого черта ты творишь?

Я выхожу из воды и снимаю костюм, вот что я творю!

Опускаю свою доску и расстегиваю молнию на спине. Вокруг меня и мужчины, и женщины, но в вейкбординге нет места скромности. Я спускаю верхнюю часть костюма, поднимаю свою доску и, не обуваясь, ухожу.

Мой тренер оказывается передо мной. Он слишком быстр для человека, у которого живот больше, чем задница коровы!

– Раф! – рычит он.

– Что? – отстраненно отвечаю я.

У него такое несчастное лицо. Если он думает, что мне не плевать, то очень сильно ошибается!

– Мы еще не закончили, – напоминает он, хотя знает, что я и сам все осознаю.

– Закончим завтра. Сегодня я не в форме.

– Считаешь меня тупицей? Я все видел! Завтра приедут твои спонсоры, и лучше не занимайся подобным дерьмом перед ними.

– Ага.

Я обхожу его, корча недовольную мину.

– И не надо обижаться!

Я смотрю на него и подношу средний палец к его носу. Я ухожу от озера и членов клуба, с которыми даже не попрощался. Сделаю это завтра, хотя к тому времени мы наверняка столкнемся друг с другом – город-то маленький.

Я прихожу на стоянку, где стоит машина Льюиса, и слишком резко бросаю свою доску на землю.

– Эта доска тебе ничего не сделала!

Сегодня все решили поиздеваться надо мной?

Мой брат останавливается возле своей машины. Он мокрый, как и я, но все еще в гидрокостюме. Стоит ему снять его, как все девчонки будут пялиться на него. Как и на меня.

– Сегодня тренер не очень доволен тобой.

– Знаю.

– Хотя ты редко лажаешь в прыжках.

Ну, просто услада для моих ушей! Если брат просто развлекается, то я за тренировки получаю деньги.

Сегодня я не мог сосредоточиться. Еще та история с тремя придурками, но я и так был на взводе. Льюис открывает багажник. В этом городе никогда не запирают машины, мы все знаем друг друга и поэтому доверяем всем. Я хватаю

полотенце, свернутое в клубок за сиденьями, и вытираюсь. Вообще-то мне следовало продолжить тренировку. Чтобы не было страха, который возникает в моей душе.

– Не останешься со своими приятелями?

– Нет, я лучше домой. Вчера маме было плохо из-за химиотерапии.

Льюис мрачнеет.

– Хорошо, тогда я подвезу тебя и поднимусь к ней.

Из нас троих он всегда волновался больше всех. Надо сказать, что он покинул семейное гнездо давно из-за учебы. А потом понял, что не может вернуться и жить с нами в таком маленьком пространстве, не желал нас тревожить.

Льюис – настоящий чистоплюй, а мы с Брисом – засранцы. Поэтому он снял квартиру где-то на полдороге между нашим домом и его лабораторией, а мы с Брисом получили по комнате. Вполне закономерно, учитывая, что мы все трое холостяки.

Мы переодеваемся и складываем гидрокостюмы обратно в багажник вместе с досками, носками и полотенцами. Затем садимся в машину, и Льюис запускает двигатель.

Я надел шорты-бермуды и футболку и, несмотря на то, что я немного окунулся в холодную воду, уже вспотел. В этом богом забытом месте слишком жарко!

– Ты видел Бриса? – спрашивает мой шофер.

– Нет. Ему нужно было что-то доделать. Думаю, он должен был проверить несколько экзаменационных работ.

– Он, наверное, чертовски боится, – говорит он с насмешливой улыбкой.

– Свою работу?

Я удивлен его замечанием, наш брат по своей природе стрессоустойчив.

– Вик возвращается на следующей неделе, – объясняет Льюис.

Вик… Виктория. Причина и моего страха.

Она должна приехать через несколько дней. Ее бабушка умерла, поэтому она приезжает, чтобы вывезти ее вещи, разобраться с ними, возможно, взять на себя управление семейной лавкой. С тех пор как Брис рассказал мне о ее приезде, я нахожусь в нервном состоянии.

С того времени, как я увидел Вик на похоронах, не могу выбросить ее из головы. Она вышла из своей старой машины, собрала в пучок каштановые волосы и надела короткое черное платье, отчего совсем не походила на ребенка. Я должен был склонить голову и выразить свое почтение, как другие, но смотрел на нее всю церемонию. Через несколько секунд я снова стал тем мальчишкой, который видел только ее. Если я буду продолжать в том же духе, то, в конце концов, приползу к ее ногам, как только увижу снова. Невозможно даже представить. Подобное не входит в мои планы.

Машина выезжает с парковки. Я наизусть знаю дорогу, которая вьется вокруг подножия гор: летом я каждый день хожу по ней к озеру, зимой – к подъемникам. Я люблю свой родной уголок. Занимаюсь тем, чем хочу, и что мне нравится. Ведь так меня и заметили.

Льюис паркуется перед нашим домом. И я смотрю на наш второй этаж. Мои родители развелись, когда мне было семь лет. Даже получая алименты, моей матери приходилось работать из последних сил, чтобы купить нам достаточно большую квартиру. Мы оказались здесь, у подножия горы, вчетвером в квартире площадью шестьдесят квадратных метров.

Я купил двухкомнатную квартиру несколько месяцев назад, но никто об этом не знает. По крайней мере, братья и мама. Я не решаюсь сдавать квартиру в аренду, но на данный момент она мне не нужна. Я уже зарабатываю достаточно, но не хочу стать таким же богачом, как мой отец и его новая жена. Кроме того, мне нравится, что я могу приходить туда иногда и проводить время.

– Ах! Мальчики!

Наша мать появляется перед нами, раскрывая объятия. Льюис не нажимал на звонок, мы никогда этого не делаем, но она обладает шестым чувством и всегда ощущает наше приближение.

По привычке осматриваю ее лицо. Поскольку я так сильно беспокоюсь о ней, то, кажется, выучил ее морщины, как карту. Когда она устает, я сразу замечаю более выраженные морщинки. А затем ее черты лица становятся очень глубокими.

– Ты как, мам?

Она уклоняется от ответа взмахом руки.

– Ваш брат привел домой девушку, – объявляет она, подняв брови.

Мама говорит тише, принимая тон свахи. Я быстро понимаю, что это не просто девушка. Глаза нашей матери сверкают. Она рада, что ее двадцатишестилетний сын наконец-то задумался о том, чтобы остепениться. Я удивлен. Мне казалось, он хочет дождаться возвращения Вик…

Мама обнимает меня, и ее объятия со мной длятся дольше, чем с моим братом. Мне почти двадцать, но, по словам братьев, я все еще ее младшенький, самый любимый. Один брат на семь лет старше меня, а второй – на пять. За исключением того, что я лучший в вейкбординге, лучший в сноубординге. Одним словом, самый спортивный. Не самый умный, но самый быстрый. И все ради девушки. Одной красавицы, которая ни о чем не подозревает. Она из тех, кто бывает милой с людьми, не ожидая ничего взамен. Она из тех, кто могла бы оказаться на диване моей матери, сидя рядом с Брисом…

Какого черта она здесь делает?

Я машинально провожу рукой по своим коротким волосам. У Бриса волосы длиннее, я же подстригся на прошлой неделе. Что, если ей не понравится?

Я надеялся, что оставил это подростковое дерьмо позади, что я наконец-то смирился с тем, что она больше не рядом. Но вот она здесь. Передо мной. Выше, чем раньше, более зрелая, взгляд менее наивный и более решительный.

Ее отъезд оставил нашу семью в странном состоянии. Льюис потерял сестру, моя мать – дочь. Брис – свою лучшую подругу, ставшую ему девушкой, а я потерял ту, которую обожал больше всех на свете. Моему старшему брату потребовалось некоторое время, чтобы смириться. Я знаю, что они переписывались какое-то время, но я также знаю, что ему этого было недостаточно. Через два года их общение стало сводиться к минимуму, а затем и вовсе прекратилось. В конце концов Брис пошел дальше, положив конец своим первым отношениям. Мне же так и не удалось этого сделать…

Мы будто оказались в ремейке. Роли уже распределены. Но на этот раз я отказываюсь играть в массовке! Рука моего брата лежит на спине Вик, он обнимает ее и смотрит взглядом, готовым защитить. Всего шесть секунд, и я тону в ореховых глазах Вик, хотя уже давно не нахожусь в воде.

Даже будучи ребенком, я хотел занять место моего брата рядом с ней. Зимой Вик любила кататься на сноуборде, а Брис – на коньках. Поэтому я решил стать непревзойденным – и на воде, и на снегу. И теперь получаю за это деньги. Потому что я люблю рисковать, и у меня хорошо получается. Нет ничего более потрясающего, чем броситься с горы и лететь вниз так быстро, как только можно.

Я самый молодой в своей категории. Тот, кого они называют «Бёрди[2 - Birdy – птичка.]», потому что «Бёрдмэн[3 - Birdman – супергерой.]» звучит слишком по-взрослому. Какая глупость! Я больше не похож на ребенка. Я выпрямляюсь, чтобы она видела, что я самый большой из нас троих, что могу улыбаться и быть милым. Хотя все, что я хочу сделать прямо сейчас, это оторвать гребаную руку брата от ее тела.

– Раф, – обращается ко мне Брис, – ты помнишь Викторию?

Помню ли я? Я помню только ее.

И я не собираюсь играть в застенчивого влюбленного подростка во второй раз!

Глава 4

Вик

– Раф?

Это не может быть он! Когда я видела его в последний раз, у него были лицо и тело тринадцатилетнего подростка. Тогда он был ниже меня. Со вздернутым носом, с мальчишескими ямочками и несколькими веснушками. И тогда его волосы не были светлыми.

Я до сих пор помню, как утешала его, когда умерла их собака. Как обнимала, прижимая его голову к своей груди, а его слезы пропитывали мою рубашку.

Присмотревшись к нему повнимательнее, я обнаруживаю черты, присущие ему в детстве: его нос стал шире, но по-прежнему вздернут к небу, ямочки скрыты под щетиной, челюсть стала мужской. Черты лица у него неправильные, один глаз немного больше другого, а их цвет потемнел. У него также есть тонкий шрам на одной брови, которого раньше не было.

– Ты так вырос! – восклицаю я, не зная, что еще сказать.

– Ага.

Такой разговорчивый. Я обеспокоена его ответом, но не показываю этого. Он подходит ко мне, и мне приходится задрать голову, чтобы хорошо его разглядеть. Другое движение привлекает мое внимание. Льюис подходит, чтобы поцеловать. Появление Рафа заставило меня забыть о двух старших братьях. Но надо сказать, что они не изменились так, как он.

Младший ждет позади старшего брата, держа руки в карманах. Я вдруг замечаю флуоресцентный оранжевый браслет, который он носит. Это невозможно… Короткие волосы, широкие плечи. Раф – тот парень с озера!

Когда я изучаю его со всех сторон, наши взгляды встречаются, одна его бровь приподнята. Я чувствую, что краснею, как подросток. Мне приходится отвернуться, чтобы не усугубить ситуацию. Брис рядом со мной, и я не уверена, что он оценит, если его бывшая будет глазеть на его младшего брата.

После Льюиса Раф делает шаг ко мне. Он наклоняется и прижимается губами к моей щеке. Он не задерживается, один поцелуй – и он уходит. Я смотрю, как Раф шагает по коридору. Он заполняет большую часть пространства. Этот парень точно пичкал себя стероидами, ведь невозможно быть таким здоровым.

Мысленно даю себе пощечину, чтобы заставить себя повернуться спиной к двери, в которую он вошел. Мне здесь даже жарче, чем на улице. Действительно ненормально!

Я фокусируюсь на Брисе и его брате, чтобы не выглядеть дурой. К счастью, они, похоже, не заметили моего блаженного вида. Однако…

– Он изменился, малыш Раф! – смеется Льюис, подмигивая мне.

– Да.

Мне приходится прочистить горло, чтобы скрыть свое замешательство. Брис, похоже, не понимает, что происходит. А если и понимает, то, во всяком случае, не показывает этого. Но если я правильно помню, он всегда был более спокойным, чем его братья. В конце концов, он старший.

Меня спасло появление их матери. Если отбросить Рафа, то она, конечно, изменилась больше всех. Ее длинные каштановые волосы начинают редеть. Цвет кожи не имеет ничего общего с тем сияющим загаром, который был у нее после пребывания на солнце. Что касается лица, то оно выдает ее ежедневную борьбу. Несмотря на усталость, их мама приготовила для нас поднос с холодным пивом и графин лимонада. Я забираю его, и она благодарит меня широкой улыбкой.

Я очень тронута тем, что она помнит о моих предпочтениях. Когда мы летом возвращались домой после дневных прогулок, я всегда просила именно этот напиток. Потому что только она знала, как приготовить его так, чтобы мне понравилось. Не слишком сладко. Не слишком кисло. Восторг.

Мы садимся вокруг журнального столика. Я рядом с Брисом, Льюис рядом с мамой.

– Ты еще красивее, чем раньше, – искренне делает мне комплимент она.

– Спасибо.

– Очень жаль твою бабушку.

Она мрачнеет, как и ее дети. Моя потеря все еще свежа, поэтому им может быть интересно, как я отреагирую, если разговоры будут заходить о Нану. Но бабушка не была из тех, кто жалеет себя, поэтому я не грущу, что ее больше нет. Я просто представляю, что в другой жизни у нее будет больше приключений.

– Не стоит. Она прожила ту жизнь, которую хотела.

– Я слышала, что она оставила тебе свою лавку и квартиру, – говорит их мама с любопытством.

– Да. Я планирую все переделать.

– Сама? – удивляется она.

– Да, мне не привыкать. Четыре года назад я открыла свой собственный бизнес по дизайну интерьеров. Еще я прошла курс каменной кладки. Хотела сопровождать своих клиентов на протяжении всего ремонта.

– Впечатляет.

– К сожалению, дело оказалось не очень прибыльным.

– Мне жаль.

– Ничего страшного. Я научилась на своих ошибках и не намерена повторять их снова.

– В любом случае ты очень смелая, – по-матерински хвалит она меня.

– Думаю, что эта работа пойдет мне на пользу.

Я хочу иметь что-то свое. И заняться чем-то еще в своей жизни, кроме заботы об отце и сестре. Даже если я люблю их всем сердцем.

– А как поживают твои отец и сестра?

Легки на помине…

Я вытягиваюсь на диване. Думаю, они ничего не заподозрят, я давно научилась отвечать на этот вопрос, не выдавая своих эмоций.

– У них все хорошо, спасибо.

Когда я поднимаю свой напиток, то замечаю движение в комнате. Раф замирает у входа в гостиную и смотрит на меня, потом обводит взглядом всех нас.

Я давлюсь лимонадом. Он принял душ, надел другие шорты и майку. Я позволяю своему взгляду задержаться на его руках, мышцы которых напрягаются при каждом движении. Он садится в кресло напротив нас и не улыбается. Зато его черные глаза постоянно ищут мой взгляд.

– О чем говорите? – спрашивает он, берет бутылку и откупоривает ее об стол.

– Раф! – ругается его мама. – Что я тебе говорила?!

Кажется, любимчику не нравится, когда его отчитывают при всех.

– Хорошо… Извини, – произносит он, прежде чем сделать глоток.

Раф не обращает внимания на мать, которая бросает на него недовольный взгляд, и поворачивается к Брису.

– Так что?

– Мы говорили о квартире Нану, – отвечает его брат. – Сейчас в квартире настоящая катастрофа. Вик не может там жить.

– И?

– Поэтому я предложил ей занять твою комнату на некоторое время.

Раф откидывается на спинку кресла, никак не реагируя. Он долго пьет свое пиво. Молчание затягивается, но парень не торопится заговорить.

– Конечно, она может занять мою комнату, – наконец соглашается он.

И улыбка, которую он мне дарит, ясно говорит: кажется, он может дать мне все, что я захочу.

Глава 5

Раф

Я редко уделяю время уборке своей комнаты. Я прихожу сюда только спать, и мне нравится мой беспорядок. Когда я здесь, то предпочитаю проводить время с мамой, а не заниматься уборкой. Так что Вик придется привыкнуть.

Последние пять минут она смотрела по сторонам, как будто все вокруг было для нее чужим. За шесть лет особых изменений не произошло. Моя старая приставка и дешевый телевизор, тот же шкаф и те же обои. Добавились лишь несколько плакатов со сноубордистами и кадр со мной, где я исполняю «вулкан[4 - Трюк в вейкбординге с вращением.]». Я не люблю заниматься самолюбованием, но моя мама настаивала. Конечно, фото для того случая, когда меня не будет рядом. Словно она хочет сделать из моей комнаты музей.

– Это ты?

Вот первое, что она спрашивает, когда видит меня на доске. Я киваю и хмурюсь. Мне кажется, я схожу с ума, когда она удивляется тому, как сильно я вырос. Если бы это была любая другая девушка, я бы без колебаний поставил ее на место. Да, я больше не ребенок! У меня шире плечи, есть борода и мускулы. Тебе

придется смириться с этим, Вик. Малыш Раф исчез.

– Похоже, ты много занимаешься спортом… – рассуждает она, продолжая рассматривать обстановку вокруг себя.

Вик останавливается рядом с моим столом. Над ним я соорудил полку, на которой разместил кучу фотографий и трофеев. Некоторые из них старые, другие появились совсем недавно.

– Я занимаюсь тем, что мне нравится.

– Почему именно вейкборд?

Я пожимаю плечами.

– Несколько лет назад на курорте открыли вейк-парк, – объясняю я, подходя к ней, – а поскольку мы с Брисом неплохо катались на сноуборде, то захотели попробовать.

– Видимо, это твой конек.

Она старается не смотреть мне в глаза. Ее интересует все вокруг, но Вик решительно меня избегает.

После того, как мы подкрепились, мама пошла отдохнуть, а Брис проводил Льюиса до его машины. Я с удовольствием согласился показать Вик свою комнату, пока есть время. До вечера она должна забрать свои вещи из машины, которая все еще припаркована возле дома ее бабушки. Наверное, Брис хочет пойти с ней, и это очень меня злит.

– Ага, у меня хорошо получается.

– Этот недоумок не победит меня на сноуборде, – вмешивается голос, заставляя нас обоих одновременно обернуться.

Брис прислонился к двери, подслушивая наш разговор.

– Ему хочется доказать, что он может быть лучше меня в другом виде спорта.

– Я лучше тебя в сноуборде, – возражаю я ему.

– У тебя есть время для тренировок. – Он скрещивает руки. – Не всем нам платят за то, чтобы просто не напрягаться.

Я ненавижу, когда он бросает в меня такое дерьмо.

– Тебе платят за вейкбординг? – удивляется Вик.

– Ага.

– Bull Air спонсирует его, – добавляет Брис. – Он получает тысячи евро за каждое экстремальное видео, которое размещает в Интернете.

Я ненавижу, когда люди говорят за меня. Очевидно, мне это уже осточертело.

– Экстремальное? Например? – спрашивает Вик, почти волнуясь.

– Например, «прыгать с горы в снег», – отвечает Брис неодобрительно, прежде чем я успеваю открыть рот. – Одно из его направлений.

Закрой рот, разговор не про тебя!

– Я бы хотела взглянуть, – заинтересовано восклицает Вик.

– Я покажу тебе видео, если хочешь, – снова вмешивается мой брат.

– Брис, все в порядке. Меня не нужно рекламировать, – отрезаю я.

– Мне следует найти союзника, который скажет тебе, что иногда ты заходишь слишком далеко.

– Я и так это знаю. Не нужно повторять.

Мне хватает того, что мой тренер боится, что тот, кто его кормит, сломал ногу. А моя мать регулярно говорит мне, будто хочет уехать, пока не потеряла сына.

– Может быть, другой человек… – продолжает он, изображая зануду, которым он, по сути, и является.

– Брис! – Я резко перебиваю его.

– Хорошо, я понял.

Наконец-то. Я люблю своего брата, но мне не нужна вторая мама. Особенно в присутствии Вик.

Улыбнувшись нам, она вновь занимается изучением моих подростковых фотографий. Она останавливается у одной из более старых, где мой брат на три головы выше меня. Она рассматривает нас обоих на бумаге, прежде чем сделать это в реальной жизни. Каждый брат проходит осмотр, а потом она продолжает путешествие по нашим детским воспоминаниям.

– Я не ожидала, что ты так сильно изменился, Раф. – Раньше я был застенчивым, невысоким, худым. Больше нет. И точка.

– Думаю, шести лет достаточно, чтобы ребенок превратился в мужчину. – Брис обнимает меня за плечи.

Он сомневается в собственных словах… Вик вдруг кажется растерянной от его слов. Он даже не понимает, что провоцирует. Идиот. Я очень внимательно слежу за ней: глаза Вик странно блестят, когда она смотрит на меня. Она с трудом сглатывает.

– Тебе нравится комната, Вик? – спрашивает брат.

– Скажем так, на пару дней пойдет.

Она подмигивает нам обоим. Напряжение между нами исчезает. Какая жалость.

– А вообще нужно забрать твои вещи, да? – продолжает он.

– Точно, я оставила их в машине.

– Вы приехали вместе? – Я подозреваю, что это так, но мне нужно подтверждение.

– Да, мы зашли перекусить перед тем, как приехали домой. Просто чтобы наверстать упущенное время.

Упущенное время. Если бы он только знал, как я собираюсь его наверстать…

– Возьму ключи и мобильный, и я весь твой, – игриво говорит брат.

Я стискиваю зубы, чтобы не зарычать.

Брис выходит из комнаты, такой жизнерадостный, как парень, готовый к встрече с девушкой своей мечты. Взглянув на Вик, я успокаиваюсь и понимаю, что у нее нет такого же драйва. Она двигается дальше, все еще разглядывая вещи вокруг себя.

– Я помогу тебе, – немного нерешительно предлагаю я.

Меня раздражает собственный тон, потому что это совершенно на меня не похоже.

– Ну, знаешь, покрасить стены, содрать обои и все такое, – объясняю я, когда замечаю, как она хмурится.

И тогда Вик улыбается.

– Было бы здорово, но ремонт может занять много времени. Разве ты не работаешь или не учишься?

– Мне никогда не нравилось учиться. А что касается работы, то я делаю, что хочу, при условии, если хорошо работаю и соблюдаю свой контракт.

– Наверное, это здорово – иметь возможность заниматься тем, о чем мечтал.

– Ага. Жаловаться не на что.

Я придвигаюсь ближе к ней. Она внимательно следит за моими движениями, ведь с каждым моим шагом ее голова поднимается все выше и выше. Наконец Вик отворачивается и пытается увернуться.

– А ты? – продолжаю я, пытаясь завязать разговор.

– Я?

– Ты берешь на себя управление лавкой своей бабушки. Именно этим ты хочешь заниматься?

– Ты про вязание и старые вещи?

Я начинаю улыбаться. Мне вообще не удается представить ее в этой роли. У меня есть много других идей о том, чем она могла бы заниматься в жизни. И все они вызывают у меня адский стояк.

– Я не буду продолжать ее дело, нет. Я хотела бы заняться тем, что близко мне.

– Прокат сноубордов?

Она смеется.

– Я помню, ты была в этом хороша, – говорю я с улыбкой.

– Я родилась на горнолыжных склонах, – произносит она. – Так что это не моя заслуга.

– На меня тоже повлияли горы.

– Ты развивал свои способности.

И она двусмысленным жестом указывает на меня. Теперь моя очередь смеяться.

– Так что же ты собираешься делать?

Вик пожимает плечами.

– Кафе. Я умею печь и знаю, что здесь не хватает мест, где старшеклассники могли бы проводить время между уроками. В смысле так было в мое время, не знаю, так ли сейчас…

– Ты права. Вот уж что не изменилось!

Мои слова попадают в цель: Вик смотрит на меня, а потом прочищает горло.

Я делаю еще один шаг к ней. С того места, где я стою, могу сосчитать родинки под ее ухом. И созерцать длину ее ресниц над карими глазами, идеальный изгиб ее рта, который открывается, потому что она хочет заговорить, но не может.

Я слишком близко. Но я не собираюсь облегчать ей задачу и отступаю, она должна сделать это сама. Только Вик замирает.

Брис нашел идеальный момент, чтобы вернуться. Впервые он не потратил три четверти часа на поиски своих ключей… Проклятье.

– Пойдем? – спрашивает он Вик, возвращая ее к реальности.

– Да, – отвечает она смущенно.

Она шепчет так тихо, что ее почти не слышно, и, избегая моего взгляда, делает шаг назад и обходит меня.

Сегодня она будет спать в моей комнате. Я собираюсь сделать все возможное, чтобы доказать этой девушке, что рядом со мной ей будет лучше.

Глава 6

Раф

Я очень плохо спал. Брис храпит, как двигатель газонокосилки, а кровать Льюиса – настоящий ад для моей спины! Несколько часов я слушал «концерт» Бриса, думая о том, что Вик вернулась в нашу жизнь и что она спит всего в нескольких метрах от меня… В любом случае сегодня утром, на тренировке после четырех часов сна, мне не до веселья. Когда я бросаю доску на воду, она идеально приземляется на поверхность. Бывают такие дни, когда, даже будучи полностью вымотанным, я чувствую, что простой импульс может поднять меня с земли на несколько часов. Хорошо, что этот день сегодня. Мой тренер будет доволен, ведь я не облажался перед начальством. И все же я напряжен. У меня болит шея, глаза устали. Я мечтаю вернуться под одеяло. Желательно к Вик…

Как только я закончу, то пойду и помогу ей. Сегодня она приступает к ремонту. Сама идея кафе близка ее сердцу, и лавка много значила для Нану, поэтому я хочу быть рядом с Вик. Она увидит, что я не тот ребенок, который цепляется за нее, чтобы привлечь внимание. Мне придется усиленно тренироваться в течение нескольких дней, по крайней мере, пока мои спонсоры находятся в этом районе. Но потом я помогу Вик с ремонтом. Если я буду тренироваться утром и ходить к ней после обеда, то, может быть…

Я отпускаю фал[5 - Веревка со специальной ручкой, которая закреплена на катере.] после часа тренировки. Мой след тает в воде. Я доплываю до берега, выхожу из воды с доской в руках и, положив ее на землю, под взглядами любопытных туристов снимаю верхнюю часть костюма. Они что, никогда раньше не видели парня без рубашки?

– Раф, иди сюда!

Тренер ждет меня на мосту в окружении двух представителей Bull Air, моих спонсоров. Я пожимаю им руки. Парни не стали надевать свои костюмы и не пытаются заставить меня чувствовать себя ничтожеством. Они такие же увлеченные делом люди, как и я.

– Очень хорошее выступление, Раф.

– Спасибо.

– Продолжай в том же духе, и ты выиграешь чемпионат в следующем месяце.

Такова моя цель. В этом легендарном чемпионате участвуют все протеже моего спонсора, ребята со всей Европы и США. На бумаге мы все боремся за имидж нашей команды, но в реальности тому, кто выиграет это соревнование, будет предложено больше промоакций и рекламных контрактов. Последние позволили мне сэкономить много денег.

– В этом году представилась прекрасная возможность, один телеканал готов вкладывать большие средства в экстремальные виды спорта. Они готовы поддержать на экране того, кого мы порекомендуем.

Спонсоры поочередно объясняют, что канал уже сообщил им обо мне – они видели мои предыдущие видео, – но в этом сезоне они хотят добиться лучшего. Они должны найти концепцию, чтобы конкурировать с YouTube, который очень успешно продвигает подобный контент. Экстремальные сюжеты окупаются. И поклонники Bull Air жаждут большего. Неважно, кто идет на риск и где это показывают, главное, чтобы картинка была впечатляющей.

– Хорошо.

Мой тренер поднимает брови. Сегодня утром я послушный – пришло время перемен. Но я не просто высокомерный маленький придурок, я знаю, как использовать предоставленные возможности. Их предложение может принести много прибыли, если торговые компании заметят меня и захотят работать со мной.

– Так что мы будем продвигать победителя чемпионата, Раф. В этом году ставки еще выше, чем раньше, поэтому лучше перестраховаться.

Я даже не утруждаю себя ответом. Я занимаюсь спортом уже два года и не жду, что прямо сейчас займу первое место.

* * *

В три часа я ухожу и направляюсь к Вик. Несколько километров, отделяющие лавку ее бабушки от озера, я спокойно преодолеваю пешком.

Дверь в лавку широко открыта. Когда я вхожу, то быстро понимаю почему. Потолок, к сожалению, сильно пострадал из-за потопа. На нем видны два больших развода, и от него пахнет затхлостью.

Вик убрала всю одежду в этой комнате и придвинула мебель к задней стене. Теперь она должна быть наверху. Я начинаю подниматься наверх, чтобы присоединиться к ней, когда слышу знакомый голос:

– Я закончу убираться в библиотеке и помогу тебе!

Брис. Она здесь всего два дня, а он уже преследует ее?

Я замираю на лестнице. Их не видно, но благодаря открытой двери в квартиру я отчетливо слышу голоса. Мне кажется, что я заново проживаю сцену из прошлого, когда подслушивал их, пока они целовались на диване, а сам уже должен был быть в постели… Как скоро все повторится, и я снова окажусь в пролете?

– К счастью, книги не пострадали!

Брис говорит об этом с искренним облегчением. Я забыл об их проклятой страсти к книгам. Об их трехсторонних дебатах с Нану на эту тему. Я мало что понимал, мне было двенадцать лет, и я плохо учился в школе. К тому же ненавидел книги. Вик же мечтала жить в доме, где много-много библиотек. А Брис пообещал подарить их. Я уже чувствовал себя неудачником на фоне тех, кто хорошо учился в школе. Некоторые вещи никогда не меняются.

– Ты только посмотри! – кричит он, несомненно, присоединившись к ней.

Тишина. Я упираюсь плечом в стену, моя нога зависает на следующей ступеньке. Они спорят, как в старые добрые времена.

– А у твоей бабушки был хороший вкус.

– Она читала все подряд. Это факт!

– О нет!

– Не задирай нос.

– Шучу, я ее читал!

– И?

Я и раньше завидовал их занудным беседам.

– Неплохо для детской книжки.

– Это не… Ладно, неважно! – сдается Вик.

Я не знаю, что происходит. Следует поторопиться: молчание между двумя людьми, которые так хорошо ладят, не является хорошим знаком.

– Мне нравится, когда ты дуешься, – признается Брис.

А я ненавижу этот милый тон.

– Одно из самых приятных воспоминаний о тебе, – добавляет он.

Так, хватит! Я вхожу в квартиру, стараясь, чтобы меня заметили.

– Раф!

Вик видит меня первой. Она словно ждала, что кто-то придет и освободит ее.

– Привет.

Мой брат находится слишком близко к ней, сидя на старомодном ковре. Похоже, это ее беспокоит, и Вик встает. Брис повторяет за ней, ничуть не смущаясь.

– Ты вовремя! Поможешь нам?

О, да неужели, я вовремя? Потому что я бы поставил на то, что брат пытался сблизиться с ней. Я, наверное, должен чувствовать себя неловко, да? И что это за дурацкое «нам»?

Я прячу пальцы в карманы шорт, чтобы незаметно их сжать.

– Поэтому я и пришел.

Глава 7

Вик

– Ты давно здесь? – немного раздраженно спрашивает Раф брата.

– Нет, – лаконично отвечает тот.

Снаружи настоящее пекло – я открыла все двери и окна, чтобы влага и запах быстрее испарились, – но Раф своим настроением, кажется, не прочь заморозить воздух.

Я как раз собиралась накрыть мебель брезентом после того, как отодвинула ее в сторону, когда приехал Брис. Я не ждала его, но он заверил меня, что у него есть окно в расписании. Я все понимаю: видно же, как он смотрит на меня, но пока еще не готова думать о нем.

– Так что мне делать?

Голос Рафа вырывает меня из размышлений. Я отхожу от Бриса, хватаю картонную коробку и передаю ее Рафу.

– Можешь начать убираться в комнате Нану? Я займусь комнатой для гостей.

Мне не хочется убираться в комнате, где спала моя бабушка. Фотографии, которые она там выставила, навевают слишком много воспоминаний.

– Хорошо.

Раф, мягко говоря, не раздражает. Он берет в руки коробку, которую я протягиваю ему, и осторожно обхватывает мои ладони. Когда я встречаю его взгляд, он хитро улыбается.

– Ой! Извини.

Я вижу, что говорит Раф совсем не то, что думает. Он отпускает меня и уходит по коридору. Я не в силах оторвать от него глаз.

– Хочешь, я соберу посуду? – спрашивает Брис, привлекая мое внимание.

– Эм… да. Спасибо.

Я планирую перетянуть заново мебель, как только закончу основные ремонтные работы, а пока мы разбираем шкафы. Я решила отдать все, чем не буду пользоваться: одежду, безделушки и посуду из другой эпохи. Я оставлю для себя самый минимум. Моя бабушка накопила много вещей, мне столько не нужно.

Я думала, что будет легко, но у меня комок в горле каждый раз, когда натыкаюсь на очередную вещь, которой она дорожила. Мне нужно немного времени на то, чтобы разобраться со своими эмоциями.

– Останься здесь, – говорю я Брису. – Пойду займусь комнатой для гостей.

Именно там мы с моей сестрой, Эмелин, обычно спали. Двухъярусная кровать все еще здесь, застелена одеялами из нашего детства: с принцессами для Эмелин и со снежинками для меня. В углу стоит ящик с настольными играми, а детские книги не исчезли с полок, где мы их обычно хранили. Даже наши последние рисунки висят на стене.

Я погружаюсь в прежнюю атмосферу на несколько секунд, прежде чем войти внутрь с картонной коробкой в руках.

Начинаю с самого простого: остатки одежды, сложенной в шкафу, плюшевые мишки, которые немного потрепаны, учитывая их возраст, деревянные игрушки Эмелин…

Время от времени какой-нибудь предмет заставляет меня остановиться. Мне требуется несколько секунд, чтобы решить, оставлять его или нет.

Внутри красивой деревянной коробки я нахожу две старые тетради с поврежденными обложками.

Я сразу узнаю их, это дневники моей сестры. Я улыбаюсь.

Она никогда не отказывалась от своей привычки.

Сколько раз я заходила в ее комнату и видела, как она пишет? Она засовывала дневник под подушку, как только я появлялась. И все же именно я подарила ей самый первый. Дает ли это мне право читать то, что она писала тогда? Я усмехаюсь, заглядывая внутрь первого дневника. Срок давности давно истек.

Она начала писать в нем, когда ей было одиннадцать лет, и закончила в двенадцать. Второй дневник охватывает год, когда ей исполнилось тринадцать лет. В нем есть фотографии – от мамы ей достался старый полароид. Я улыбаюсь, когда вижу наши лица.

Закрываю тетради и смотрю на кровать. Любопытствуя, я приподнимаю матрас. Ей было четырнадцать, когда мы уехали. Значит, не хватает еще одного блокнота. Бинго! Я чувствую себя Индианой Джонсом-младшим.

На несколько мгновений я с радостью возвращаюсь в то беззаботное время, прежде чем кое-что замечаю: под кроватью не только блокнот. Я нахожу несколько книг, одна из которых привлекает мое внимание.

* * *

– Ты видела мою книгу, Эмелин?

Я искала везде, но так и не смогла найти. Однако твердая обложка и золотой заголовок не могут остаться незамеченными.

– Неа, не видела.

– Я оставила ее на столе, – настаивала я, уже представляя, как поставлю ее на виду, чтобы больше не терять.

– Уверена?

– Ну же, перестань дурачиться и верни книгу! Я хочу потом показать ее Брису! Что же мне делать, если я не найду ее?

– Почему бы тебе не остаться со мной? Могли бы съесть мороженое, давненько мы не проводили время вместе.

Я вздыхаю. Мне неприятно, что эта книга потерялась, но я хочу чего-нибудь сладкого.

– Хорошо, позже поищу еще раз.

* * *

Я нашла эту книгу в библиотеке в соседнем городе. Отец брал меня туда в исключительных случаях, и я нашла новое издание романа, который мы с Брисом любили. Я так отчаянно боялась не найти томик. Потому что нашему отцу пришлось бы заплатить штраф за потерю, но самое главное, потому что я не смогла поделиться книгой со своим другом. Мне, наверное, было пятнадцать лет, и Эмелин поклялась, что не брала книгу. Неудивительно. Она любила так подшучивать надо мной, а потом задыхалась от смеха и во всем признавалась. Теперь это не имеет значения.

Я откладываю книгу и смотрю на последнюю тетрадь. Другие фотографии бросаются в глаза. На большинстве из них мы подростки. На одном из фото она позирует со смеющимся Рафом. Я беру снимок в руки. Теперь, когда я знакома со взрослым Рафом, то понимаю, что у него все тот же озорной взгляд. То же лицо, но более точеное, менее круглое, с глазами настолько взрослыми, что вызывают

тревогу.

– Вижу, ты нашла дневники.

Я подпрыгиваю, поворачиваясь к двери. Раф стоит, гордо выпрямившись, с улыбкой скрестив руки на груди. И снова меня завораживает мощь его мускулов, которые заметны под летней одеждой. Один из последних его образов, сохранившихся в моей памяти, это образ подростка, набившего рот ванильным мороженым перед телевизором и смотрящего аниме.

– Я начинаю понимать, почему моя сестра была влюблена в тебя, хотя ты был младше ее.

– Влюблена? – удивляется он, входя в комнату. – Она никогда не была влюблена в меня, Вик. Мы вели себя как брат и сестра, постоянно препирались.

– Я не думаю, что она так воспринимала ваши отношения. Она была взволнована, когда сказала мне, что ей удалось поцеловать тебя.

Раф качает головой.

– Она просто невероятна… Она обманула тебя. Я бы никогда не позволил ей поцеловать себя и никогда бы не пошел с ней на свидание.

– Почему?

Раф выдерживает паузу, прежде чем ответить.

– Потому что не с ней я хотел быть, – признается он, не отводя от меня глаз. – Я не собирался встречаться с одной девушкой, когда хотел другую…

– Ты думал так в тринадцать лет?

– Уже с восьми лет я знал, чего хочу.

Его взгляд однозначен. Он говорит обо мне. Невысказанные слова «я знал, что хочу тебя» повисают между нами. Он уже открывает рот, чтобы произнести их. Я даже не сомневаюсь в этом.

– Давай продолжим уборку. – Я не даю ему договорить.

Я торопливо встаю с кровати и складываю вещи Эмелин в коробку. Мне нужно вернуть ей эти ежедневники, может, она будет рада. Я надеюсь, что это так, потому что видеть ее улыбку – одна из моих самых любимых вещей на свете. Это настолько редкое явление, что я каждый раз его смакую.

А Раф странно молчит за моей спиной. Оглянувшись через плечо, я вижу, что он смотрит на кровать, потом на меня. Мой взгляд падает на его запястье и флуоресцентный браслет.

– Кажется, я видела тебя вчера на озере, – бросаю я непринужденно.

– Я постоянно там бываю.

– Я видела тебя. С той девушкой, к которой приставали. Ты заступился за нее.

Раф пожимает плечами.

– Она мой друг. А они приставали к ней.

– Друг или нет, но здорово, что ты так поступил.

– Каждый должен поступать так же, когда сталкивается с мудаками…

Я киваю, мой взгляд затуманивается.

– Если бы рядом с моей сестрой был такой парень, как ты, ничего бы не случилось…

– Может быть.

Что за раздраженный вид у него?

– Ты так изменился… – шепчу я больше для себя, чем для него.

– И это плохо? – обороняясь, спрашивает он.

– Я надеялась встретить маленького мальчика, который часто приставал ко мне…

– Хочешь, чтобы я приставал к тебе? Это можно устроить.

Не дав мне времени на то, чтобы я сообразила, Раф делает один шаг ко мне.

– Раф… Что ты делаешь?

– Некоторые вещи никогда не меняются.

Сколько бы времени ни прошло…

Когда он подносит руку к моему лицу, нас прерывает голос в коридоре.

– У вас все в порядке?

Глава 8

Вик

Я подпрыгиваю во второй раз. Братья Луазон доведут меня до сердечного приступа! Я инстинктивно отхожу от Рафа как можно дальше.

– Да… – Младший брат не сдается. – Пойду в комнату Нану, хочу закончить уборку перед тренировкой. У меня еще есть дела.

– А потом ты поедешь… – уточняет Брис.

– Да, мне нужно к Энзо и Робину.

– Вы встречаетесь каждые выходные?

Брис хочет быть ироничным, но его брат, похоже, не воспринимает его юмор.

– Хм…

Это единственный звук, который вырывается из его рта, когда он переступает порог. Брис поворачивается ко мне.

– Если что-то не изменилось, так это его характер!

– Не помню, чтобы он был таким…

Уверенным? Провоцирующим? Непримиримым?

– Упрямым и обидчивым? О, уверяю тебя. Даже в детстве он мог быть очень раздражительным. Мама слишком многое спускала ему с рук. В любом случае я здесь, чтобы помочь тебе.

Остаток дня пролетает с бешеной скоростью. Брис много помогает мне, потому что больше не сможет прийти из-за поездки. Раф покидает нас в конце дня, незадолго до того, как мы забираем вещи из моей машины и складываем их в гостиной.

Когда Брис привез меня сюда вчера, я взяла с собой только самое необходимое на несколько дней. Смею надеяться, что к тому времени моя квартира станет более пригодной для проживания. Задержаться у Бриса – значит задержаться в его семье, среди его привычных дел и особенно возле Рафа. Мне очень неловко, что он заставляет меня нервничать сильнее, чем его старший брат.

Закрыв лавку, я поворачиваюсь к Брису.

– Мы сделали все, что ты хотела? – спрашивает он меня, пока мы идем к его машине.

– Да. Вполне. Впереди у еще много работы, но она меня не пугает.

– Я рад, что ты вернулась.

Брис не говорил о моем отъезде. Он и не пытался узнать больше о причинах. Я одновременно благодарна за его тактичность и немного разочарована. Разве это не естественно – хотеть знать все подробности жизни человека, который якобы тебе интересен? Но хочу ли я, чтобы он был заинтересован во мне? Ведь наши отношения остались в прошлом, не так ли?

Глубоко задумавшись, я не замечаю, как он приближается ко мне и принимает мое молчание за ожидание. Его губы прижимаются к моим. Мягко и терпеливо. Так, что я остаюсь равнодушной…

Я делаю шаг в сторону, упираясь одной рукой ему в грудь.

– Прости, – сразу же говорит Брис.

– Не извиняйся. Просто… слишком рано. – Он кивает, и я чувствую, что должна продолжить:

– Я знаю, мы с тобой были близки, но все изменилось.

– Понимаю, – вздыхает Брис. – Мне хочется верить…

– Нет, не надо, – сразу же перебиваю я. – Просто дай мне немного времени. Мы можем просто проводить время вместе, как сегодня, и посмотреть, что из этого выйдет. И не забивать себе голову.

– Хорошо. Я согласен.

Он улыбается. У него всегда было милое выражение лица и нежная душа. Я не понимаю, почему он до сих пор холост. Мужчина с его внешностью, учитель в придачу, чья жизнь стабильна. Логика от меня ускользает… В то же время этот

город небольшой, несмотря на его привлекательность для туристов. Новые знакомства случаются не каждый день.

– Забудь, что я только что сделал, – добавляет он. – Давай начнем с чистого листа. Как друзья, хорошо?

– Хорошо.

– Мы быстро перекусим, а потом отвезу тебя домой.

Теперь моя очередь улыбаться. Неловкий момент остался позади.

Когда мы открываем дверь в квартиру, то видим на диване Рафа.

– Ты все-таки не поехал? – спрашивает его Брис.

Он поднимается и смотрит на меня, пока его брат обращается к нему.

– Поехал. Но вернулся.

Всегда такой разговорчивый… И всегда такой сексуальный, когда смотрит на меня. Неужели и Брис так же выглядит?

– Вик устала. Пошли спать.

Раф сжимает челюсть. Он снова устраивается на диване и начинает нас игнорировать.

– Ладно…

– Иди спать, неугомонная! – смеется Брис, махнув мне рукой вперед, в сторону коридора.

Он останавливается перед комнатой Рафа и целует меня в щеку на ночь. Он не вторгается в мое личное пространство и по-прежнему удивляет меня своей заботливостью.

Я беру свою сумку, вхожу в комнату и закрываю ее за собой. Я не включаю свет, а просто сажусь на кровать и позволяю себе поддаться усталости этого долгого дня.

Слышу шепот в коридоре. Я прислушиваюсь, но все-таки не могу разобрать ни слова. Затем закрывается дверь, и шаги удаляются. Я заставляю себя встать, включить свет и открыть чемодан. Но мне не хочется копаться в нем. Я не хочу раздеваться, не хочу, чтобы этот день заканчивался.

Мой взгляд возвращается к плакатам, висящим вокруг меня, и в частности к фотографии Рафа, зависшего над водой, его руки напряжены от усилий, а мускулистые ноги упираются в доску. У него сосредоточенное выражение лица, но кажется, что он счастлив, занимаясь любимым делом. Вода взрывается мелкими каплями вокруг него. Я стою на месте и слишком долго смотрю на плакат.

Мне нужно охладиться, здесь становится слишком жарко.

Открываю окно, чтобы впустить ночной воздух, но снаружи так душно, что совсем не помогает. Мне удается убедить себя, что это единственная причина, по которой я выхожу из комнаты, пересекаю коридор и направляюсь в ванную. Ни для чего другого.

Только вот это «ничто другое» вдруг материализуется на другом конце коридора. Раф. Мое сердце начинает учащенно биться в груди. Что он здесь делает?

– Ты все еще не легла?

– А что, не видно?

Когда он подходит ближе, в животе у меня все переворачивается. Раф прислоняется к стене рядом с дверью, которая отделяет меня от ванной, и замирает.

– Тебе нужно в ванную? – Я указываю на нее.

– Нет.

– Ну, что насчет…

– Хорошо провели время вместе?

– Да.

– Класс.

Тишина меня нервирует.

– Это все, о чем ты хотел спросить? – задаю я вопрос.

– Да, а что? Ты ждала, что я спрошу о ваших планах?

– Нет.

Мы можем долго обмениваться односложными словами.

– А ты? Хорошо провел вечер?

– Ага.

На его губах расплывается провокационная и озорная улыбка.

– Ты должна пойти со мной в следующий раз. Будет весело.

– Сейчас мне не до веселья, – отвечаю я, чтобы он заткнулся. – Но спасибо.

– Да, я вижу.

Раф не двигается, и все же я чувствую, что он слишком близко ко мне.

Я опускаю ладонь на дверную ручку, чтобы за что-нибудь ухватиться. Раф поворачивается в сторону комнаты брата.

– Ну что, опять?

– Что опять?

– Ты. Он. Вы двое.

Он вновь смотрит на меня.

– Не думаю, что это твое дело.

– А мне кажется, что мое. Брис сказал мне нечто подобное. Вы идеально подходите друг другу.

– Какую игру ты ведешь, Раф?

– Никакую. Это вы затянули старую песню.

– Говоришь глупости.

Я хочу открыть дверь, но парень останавливает меня, встав передо мной. Я поднимаю на него взгляд, но тут же жалею об этом. Его рот находится на уровне моих глаз, губы приоткрыты. Я представляю их на своих, как его дыхание сливается с моим. Мысли обжигают. Мои щеки объяты пламенем. Моя поднятая рука натыкается на его ладонь. Кажется, ему это даже нравится, выражение его лица меняется с насмешливого на вызывающее.

– А знаешь, я все же умею играть, – продолжает Раф тем же тоном. – Не забывай, что я самый младший и всегда получаю то, что хочу…

– И чего же ты хочешь?

– Если я тебе скажу, будет не так весело.

Он подается вперед, сокращая расстояние между нами. Его сильное тело прижимается к моему. Я вспоминаю фотографию в его комнате, решительное выражение лица. И мне интересно, так же он сейчас смотрит на меня? Затем Раф делает еще один шаг в сторону и возвращается в гостиную.

Как и сегодня днем, я наблюдаю, как удаляется его широкая спина, прежде чем беру себя в руки и бросаюсь в ванную, закрыв за собой дверь.

Раф уже не ребенок… И меня влечет к нему так, как никогда раньше не влекло ни к одному мужчине.

Глава 9

Раф

Я с нетерпением ждал наступления каникул. Брис наконец-то от нас отстанет. Как будто у него в голове установлен радар. Как только я подхожу к Вик слишком близко или пытаюсь остаться с ней наедине, он тут же появляется на горизонте. Так продолжается уже несколько дней. И это меня ужасно злит. Ей не нужен провожатый. Хуже всего то, что Вик позволяет ему так себя вести. Она улыбается ему, как бы подбадривая. И почти все время старается не смотреть на меня. Я думал, что мои первые попытки сблизиться с ней немного смутили ее, но вот я снова в начале пути, в категории «младший брат моего парня». Черт возьми.

Она начала ремонт в своей лавке и проводит там дни напролет. Так что из-за моих тренировок и семьи, которая по вечерам не дает ей покоя, у меня практически не осталось возможности попробовать еще раз. Предыдущая попытка разочаровала меня.

Когда я прихожу домой в обеденное время, жалюзи в квартире опущены. Мама у себя в комнате, Брис собирает чемодан в гостиной, а Льюис отдыхает на террасе, держит пиво в руке, вытянув ноги на перила.

– Как дела у мозга семьи? – присоединяясь к нему, поддразниваю я.

– А как поживает спортсмен? – парирует он.

Я улыбаюсь, опускаясь в шезлонг. Брат протягивает мне бутылку пива из мини-холодильника.

– Что ты здесь делаешь? Спасибо, – договариваю я, забирая бутылку.

– Я расслабляюсь после тяжелого дня, проведенного с очень скучными коллегами! – подмигнув, отвечает он. – И Брис хотел поговорить.

– Поговорить? О чем?

– Да много о чем… Но кое-что его особенно беспокоит. – Льюис сдвигается, чтобы оглянуться.

– О чем мы говорили? Что ты уже не уверен, что хочешь уехать?

– Ага.

Брис присоединяется к нам и садится по другую сторону от Льюиса, тоже потягивая из бутылки пиво. Сегодня мы втроем – отличная компания бездельников. Я люблю проводить время со своими братьями, по крайней мере, когда они не напоминают мне, что я самый младший и мне еще многому предстоит научиться.

– Почему ты не хочешь уезжать?

– Из-за Вик, – отвечает Льюис вместо нашего старшего брата.

Услышав имя своей бывшей девушки, Брис колеблется.

– Он боится, что если уедет, то потеряет свой шанс.

Ах, да? Тогда пусть сваливает!

– Вы действительно решили быть вместе? – Я пытаюсь казаться равнодушным.

– Нет, пока решили повременить.

– И тебя это беспокоит?

– Да. Я не чувствую от нее отдачи.

– Вы целовались? – интересуется Льюис.

– Ага.

Теперь я сильно стискиваю зубы…

– Но она оттолкнула меня. И с тех пор я не нахожу себе места.

– Она вернулась всего несколько дней назад, – успокаивает его наш брат. – Вик планирует остаться здесь, насколько я понимаю. И у тебя есть достаточно времени, чтобы соблазнить ее…

– Меня не будет почти месяц. Не лучший вариант для развития отношений. Да и Лиди едет с нами.

Я внимательно смотрю на Бриса. Лиди – его бывшая, подруга детства одного из его приятелей. Я не удивлен, что она поедет с ними, но то, что он стал искать оправдания, – вот что удивляет меня. Неужели он думает, что не сможет держать свой член подальше от бывшей? Вик такое терпеть не будет…

– Ты только что сказал нам, что ты пока не с Вик, – продолжает Льюис. – Так что не вижу проблемы.

– Да, но, если я повеселюсь с другой этим летом, разве у меня еще останется шанс?

Мы с Льюисом пожимаем плечами.

– Делай, что хочешь. Миф о прекрасном принце рассчитан на наивных девушек.

– А Вик не наивна, – добавляю я, соглашаясь со словами Льюиса.

Брис вздыхает. Мы не даем ему ни ответа, который он ждет, ни решения. Пусть уезжает, а когда вернется, то поймет, на его ли стороне время и расстояние. Честно говоря, я сомневаюсь в его удаче, но не собираюсь ему об этом говорить.

Когда мои братья решают устроиться на диване и посмотреть футбольный матч, я выхожу на улицу. Если говорить о спорте, то футбол – это один из тех видов спорта, который интересует меня не меньше, чем состав гранита.

Лавка Вик находится в центре города, если можно использовать этот термин для городка с населением в две тысячи человек, ориентирующегося исключительно на горные виды спорта. Когда сезон закрыт, большинство магазинов не работает. Но некоторые точки смогли развиваться, и наш горнолыжный курорт в середине лета становится почти морским курортом.

Когда я оказываюсь перед вывеской, которую ищу, то вижу, что Вик снова оставила дверь открытой. Я слышу характерный звук старого радио. Она убирается, а музыка эхом отражается от стен.

Вик здесь не ради веселья. Обои сорваны. На лестнице повсюду пыль, как будто она отшлифовала ступени. Поднявшись наверх, я вижу, что квартира полностью перевернута вверх дном. Тут обои тоже исчезли. Помещение выглядит совсем по-другому, оно обито гипсокартонными листами. Вик действительно придала квартире новый облик. Да еще и в одиночку! Она проделала огромную работу за неделю.

Я иду по коридору, ориентируясь на звук стройки, ведущейся в подсобке. Стараюсь не выдавать свое присутствие. Тогда я бы не увидел то зрелище, которое открывается мне, когда вхожу в комнату: Вик присела на корточки и отрывает обои. Мой взгляд задерживается на ее заднице, обтянутой рваными и поношенными короткими шортами. А верх еще лучше: на ней только свободная майка с широкими бретелями. Как только она наклоняется, становится видно, что скрывается под ней – простой спортивный бюстгальтер, который скрывает ее небольшую грудь. Волосы собраны в растрепанный пучок, а на свисающих прядях – тонна пыли. Я никогда не видел такой сексуальной девушки. Эта

комната в разгар ремонта превращается в сцену из моей фантазии. Тот факт, что Вик грязная, потная и совершенно растрепанная, заводит меня еще больше.

Я стою у входа в комнату и наблюдаю за ее работой. Прислоняюсь к дверной раме и засовываю руки в карманы, чтобы хоть на секунду успокоиться.

– Как дела?

Я пугаю ее. Вик роняет лопаточку, которую держала в руках, и поворачивается ко мне.

– Раф! – восклицает она, задыхаясь.

– Прости.

Я делаю несколько шагов вперед. Вик собирает свои инструменты и складывает их в углу, вытирает пыль с рук и ног, а я с жадностью слежу за каждым ее движением. Отворачиваюсь, когда она осматривает участок работы.

– Ты хорошо потрудилась, – замечаю я.

– Я выполнила самую простую часть. Содрать обои и отшлифовать стены – не такое уж сложное дело, нужна только решимость, – шутит она.

– Тогда ты выглядишь очень решительно.

Ее взгляд темнеет.

– Возможно. Я хочу переехать и открыть лавку как можно скорее. Я думала, что успею до конца сезона, но, похоже, не получится. Слишком много работы.

– Я помогу тебе, я же сказал.

– У тебя есть дела поважнее. Брис рассказал о твоем контракте со спонсорами.

Я пожимаю плечами.

– Я никогда не отказываюсь от своих слов.

Никогда. Первое, чему научила меня мама, – всегда быть рядом с теми, кого любишь. Мой отец, например, был здоровым, красивым ублюдком. Сколько раз он обещал моей матери прекратить заниматься ерундой? Сколько раз он говорил ей, что любит ее, прежде чем расставался с очередной дамой? После их развода у нее появились проблемы, а он куда-то умотал и ничем ей не помог. Поэтому я решил вычеркнуть его из своей жизни. Слава богу, что он не получил опеку над нами.

– Могу начать завтра, – предлагаю я, вынырнув из своих мыслей.

Вик приводит себя в порядок и подметает мусор. Сегодня я просто жду, когда она поедет со мной в дом моей матери. Я хочу пойти с ней. К ней в комнату. Ее реакция на нашу встречу была искренней, Вик волнуется каждый раз, когда находится рядом со мной. Мне хочется насладиться этим моментом. Вот почему я двигаюсь через всю комнату, к ней и беспорядку, который она устроила.

– Уже поздно, – говорю я. – Не хочешь пойти домой?

– Да. Конечно.

Она встает и ставит метлу у стены. Вик медлит, глядя в окно. Как будто если отвернется, то я исчезну.

– Заметил, что проблему устранили, – произношу я, чтобы заставить ее говорить.

Я все еще двигаюсь вперед. Шаг за шагом. Вскоре оказываюсь слишком близко, чтобы попасть в поле ее зрения.

– Да, так и есть. Квартира высохла, и теперь здесь можно жить. Как только я приведу в порядок эту комнату, то перееду.

– Но сейчас ты живешь с нами.

Еще один шаг. Метр за метром. Я вижу, как часто вздымается ее грудь. Она набирается смелости, чтобы посмотреть мне в глаза? Если да, то я уже предвкушаю, что будет дальше.

– Да.

– Брис завтра уезжает.

– Да, знаю.

– Не грустишь?

– Я жила без него шесть лет. Проживу уж как-нибудь несколько недель.

– Хм…

Вик поворачивается ко мне.

– А какого ответа ты ожидал?

– Не знаю. – Я пожимаю плечами, мои руки все еще в карманах. – Правду.

– Мне не грустно.

Я откровенно улыбаюсь. Несколько мгновений мы молчим. И в этой уютной, умиротворенной тишине я слышу наше дыхание.

– Пойдешь домой со мной?

– Зачем? Боишься за меня? Я вообще-то уже взрослая девочка.

Я снова придвигаюсь ближе, настолько, что она вынуждена поднять голову, чтобы взглянуть на меня.

– Кажется, так и есть. Точно взрослее меня.

– Раф…

– Что?

– Что ты делаешь?

– То, что хочу.

Я скольжу ладонью по ее руке и оттягиваю слегка приспущенную бретельку. Ее кожа покалывает под моими пальцами. Смотреть на нее одно удовольствие. Как будто я высвобождаю лавину своим сноубордом.

– Ты этого хочешь?

– А ты ждала другого?

Я наклоняюсь к ней, и она задерживает дыхание.

Глава 10

Вик

Я не должна преодолевать последние несколько сантиметров, которые Раф оставляет между нами. У меня нет никаких веских причин, кроме той, что он мне слишком нравится, и он не скрывает, что чувства взаимны. Я хочу его, хотя не должна. А еще Брис… Но желание сильнее здравого смысла. С тех пор как я вернулась, с того момента как снова увидела его, он занимает все мои мысли.

Губы Рафа мягкие. На какое-то время я забываю, кто он, забываю о нашем общем прошлом, забываю о его брате. Он просто привлекательный мужчина, который вторгся в мои мысли гораздо быстрее, чем любой другой. Я отдаюсь на волю его губ. Раф знает, что делает. Когда его пальцы касаются моей кожи под челюстью и ласкают шею, я чувствую, что теряю опору.

Сколько девушек он перецеловал, чтобы научиться так себя контролировать? В его объятиях нет ничего захватнического. Его поцелуй одновременно мягкий и сильный, как будто он смакует свои ощущения. Все, что я могу сделать, – это наслаждаться вместе с ним. Мое сердце полностью согласно с происходящим. Кажется, оно еще никогда не билось так сильно.

Поцелуй длится всего мгновение. Но когда Раф отстраняется от меня, я чувствую, что провела пять минут в его руках. Позволила ему взять от меня все, что он хотел. Дыхание перехватывает, щеки покрывает румянец, и меня охватывает жгучее желание.

– Раф, не стоило этого делать, – бормочу я, когда все, чего сейчас желаю, это продолжение.

– Всего лишь поцелуй.

Из-за того, что он выглядит гордым собой, я делаю шаг назад.

– Всего лишь? Думаешь?

Почему я думаю, что мне будет стыдно, если я все-таки уступлю?

Он пожимает плечами и отходит в сторону. Наконец-то я могу дышать нормально, он не давит меня, но тут я начинаю хотеть большего. Жажду, чтобы он был ближе, а не дальше. Просто безумие!

– Всего лишь поцелуй, – повторяет Раф, засунув руки в карманы. – Я хотел поцеловать тебя с восьми лет, так что следовало попытаться.

Затем он замолкает.

– Хорошо, – уверенно подтверждаю я, кивнув головой. Вот чем был наш поцелуй.

Но если это только поцелуй, почему мне так плохо? Разве не его я ждала с самого своего возвращения?

– Может, пойдем домой? – предлагаю я, чтобы прекратить размышлять о случившемся.

– Поэтому я и пришел за тобой.

Он показывает на дверь, и я следую за ним.

Летняя жара ослабла до легкого прохладного ветерка, но прогулка в компании Рафа оказывает на меня противоположный эффект. Я продолжаю бросать на него косые взгляды, а он спокойно держится, на его лице улыбка.

Наша прогулка – это мучение, поэтому я делаю все возможное, чтобы долго не оставаться с ним наедине. То, что произошло несколько минут назад, доказывает, что все может пойти не по плану. Если Раф снова попытается поцеловать меня, то, наверное, я позволю ему. Со мной явно что-то не так.

Когда я вхожу в квартиру семьи Луазон, Раф оказывается слишком близко ко мне. У меня возникает ощущение, что он провожает меня пристальным взглядом, когда я прохожу мимо. Не могу удержаться и оглядываюсь.

– Вот вы где! – восклицает знакомый мужской голос.

Я быстро реагирую и поворачиваю голову в сторону гостиной, где на диване сидят Брис и Льюис.

– Хорошо, что ты взялся спасать попавшую в беду девушку, Раф, – поддразнивает его Льюис, глядя в телевизор.

Они смотрят футбольный матч.

– Всего лишь выполняю обязанность Бриса…

– Я не обязанность, – протестую я.

Главный виновник сложившейся ситуации встает и подходит ко мне.

– Я достаточно взрослая, так что могу позаботиться о себе сама.

– Никто и не спорит, – отвечает старший брат.

Брис заигрывает со мной, и сегодня я это ясно вижу. Если у меня и были сомнения в его намерениях в день моего возвращения, то сейчас их нет. В его словах скрыт намек, а страстный взгляд ничего не скрывает.

Раф проходит вперед и останавливается у дивана, за спиной старшего брата, но остается в поле моего зрения. Брис снимает кусок обоев, застрявший в моих волосах. Раф хмурится, наблюдая за нами.

– Есть успехи? – интересуется Брис.

– Да. Эта неделя была насыщенной, так что я едва стою на ногах.

Моя усталость – лишь повод ускользнуть, чтобы не отвечать на тревожные вопросы Бриса и избежать слишком пронзительного взгляда его младшего брата.

– Пойду спать.

Я не обращаю внимания на свое сердце, бешено колотящееся в груди, и направляюсь в комнату, которая будет моей еще несколько дней, а Брис следует за мной по пятам. Я уже знаю, что он хочет мне сказать, и боюсь этого. У меня нет ответа на его вопрос. Точно не сегодня…

– Что ты решила? – спрашивает Брис. Он стоит в коридоре, хотя я уже зашла в комнату.

– О чем?

– О нас.

– Прошла всего неделя, Брис, – говорю я, вздохнув.

Одна неделя, а я уже поцеловалась с твоим младшим братом.

– Меня не будет почти месяц. Может быть, за это время ты сумеешь разобраться в себе. Просто понять, захочешь ли ты попробовать еще раз.

Он заправляет прядь волос мне за ухо. Его пальцы блуждают по моей щеке слишком долго, и я чувствую, что он надеется на большее. Его рука дергается: Брису не терпится сократить расстояние между нами, я вижу это желание у него в глазах. Но я немного отодвигаюсь назад.

– Я пошел домой, ребята, – доносится голос Льюиса, который стоит у двери. – До встречи! Брис! Вик!

Брис отводит руку от моего лица, и, я чувствую облегчение. Он машет брату рукой, не поворачиваясь к нему.

– Он всегда лезет не вовремя, – ворчит Брис с улыбкой.

А мне кажется, что Льюис вмешался в нужный момент. Но я держу рот на замке.

– Надо идти спать. Завтра рано уезжаю, так что вряд ли мы увидимся до моего отъезда.

– Ладно. Желаю хорошо повеселиться.

– Надеюсь, ты дашь мне шанс, когда я вернусь.

– Я тоже надеюсь.

И я не вру. Вновь влюбиться в Бриса было бы проще, верно? Мне не нужны новые проблемы. Их и так хватает.

Брис улыбается и целует меня в щеку.

– Спокойной ночи.

– Хорошего отдыха.

Он уходит в комнату, которую делит со своим братом. Я встречаюсь глазами с Рафом, который стоит в другом конце коридора. И его взгляд далеко не дружелюбный.

Глава 11

Вик

Наконец я переехала в квартиру бабушки. Ремонт в комнате почти закончен, ванная работает, водонагреватель починен, поэтому я не видела смысла оставаться дольше у мадам Луазон.

Главная проблема в том, что, хотя мы больше не живем под одной крышей, я не могу выбросить из головы тот поцелуй с Рафом или понять, что он значит. Меня бросает в жар каждый раз, когда я думаю об этом. Я вижу, как его тело снова прижимается к моему. И трудно притворяться, что поцелуя не было, когда он, одетый в шорты и майку, находится у меня в квартире.

Раф сдержал свое обещание. Он проводит каждый день после обеда, расписывая стены лавки. Он старается, словно перед ним стоит очень важная задача. Поэтому в течение дня всегда наступает момент, когда я не могу оторвать от него взгляд. Я погружаюсь в размышления, представляя, как этот поцелуй повторяется.

Мы не разговаривали с прошлой недели. По крайней мере, не об этом, не о нас. С тех пор как я переехала сюда, он говорил со мной только о проклятом ремонте.

Раф поворачивается ко мне.

– Тебе что-то нужно?

Заметил…

– Нет, я просто задумалась о том… что можно сюда повесить.

– Да неужели?

Он откладывает рулон и скрещивает руки, глядя на стену, на которую я указываю неопределенным жестом. Затем он поворачивается ко мне.

– Кажется, тебе нравится заниматься ремонтом. Ты улыбаешься.

Раф приближается ко мне, победоносно улыбаясь. Это просто смешно. Он младше меня и не может быть таким уверенным!

Он вытирает руки о шорты и, наконец, останавливается.

Всего лишь в метре от меня.

– Ты уверена, что тебе нравится именно этот узор на обоях?

Должна ли я быть честна с ним? А сама с собой?

– Возможно, нет…

Мне трудно смотреть ему в глаза.

– Значит, и у меня есть шанс?

– Шанс?

– Вик?

Кто-то зовет меня с первого этажа.

Неосознанно я прислоняюсь к Рафу. Слышу, как он вздыхает, когда я касаюсь его.

– Ты кого-то ждешь? – спрашивает он.

– По всей видимости, да.

Раф смотрит на мои губы.

– Вик? – доносится голос снизу.

– Иду!

Побег – это, безусловно, лучшее решение. Что мне еще остается делать?

Я несусь по лестнице, как добыча убегает от охотника, и останавливаюсь на последней ступеньке, заметив того, кто ждет меня перед широко распахнутой дверью лавки.

– Жюли!

Я преодолеваю несколько метров и обнимаю ее.

– Какой прием! – восклицает подруга. – Ты так соскучилась по мне?

– Разве я не имею права радоваться нашей встрече?

– Конечно, имеешь! Но я подумала, раз у тебя, вероятно, завелся очень милый «котик», с которым можно пошалить, то обо мне ты совершенно не вспоминаешь.

– Ты неправа.

– Все в порядке? – спрашивает она, всматриваясь в мое лицо.

Кажется, румянец выдает мое состояние.

– Ты выглядишь так, будто только что развлекалась! А Брис наверху? – добавляет она с любопытством, глядя на лестницу.

– Что? Нет! Хватит выдумывать!

Она смеется. Ну, нельзя же быть такой помешанной! В старших классах Жюли уже была одержима парнями и – цитирую – их «членами». Она видела очень много! Пока один из парней не понял, как удержать ее.

– Ну-ка, расскажи мне, Брис по-прежнему хорош?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

182 см.

2

Birdy – птичка.

3

Birdman – супергерой.

4

Трюк в вейкбординге с вращением.

5

Веревка со специальной ручкой, которая закреплена на катере.

Купить: https://tellnovel.com/ru/seveno_el/shest-let

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить